

Михоэлс С.М.

15/11-90

«Вечерняя Москва»

1990. — 15 марта

История в судьбе

ДУША И ГРИМ

Соломон Михайлович МИХОЭЛС.
(Редкий снимок. Из архива М. С. Белевского).

● 16 марта исполняется 100 лет со дня рождения советского актера и режиссера С. М. Михоэлса.

НАЧИНАЯ с 1931 года, когда я стал педагогом Московского еврейского театрального училища, а затем его директором, мы с Михоэлсом очень по-дружились. Я видел его в разных ситуациях: за репетиционным столом в Государственном еврейском театре, на лекциях в нашем училище, в дружеской беседе у накрытого стола, во время блестящих бесед, которые он вел с широкой театральной общественностью, его выступлений, направленных против фашистского варварства.

Михоэлс — актер и режиссер. Эта тема достойна целой книги. Я же лишь упомяну некоторые сыгранные им роли, ставшие классикой советского театра. Тевье-молочник, Шимеле — Сорокер, Вениамин третий и, конечно же, король Лир... От Шолом-Алейхема до Шекспира — таков творческий диапазон Михоэлса.

Большой трагик русской сцены первой половины нашего столетия, Леонид Леонидов писал: «19 февраля 1938. Вчера я видел «Лира» в еврейском театре. Очень интересно.

Во-первых, Шекспир. Во-вторых, укрепил свое мнение: чем скромнее сценическое оформление, тем красочнее содержание... Михоэлс преодолевает свой рост, голос, он — король с головы до ног. Обладает колоссальной возможностью все слышать и все видеть. Никакой декламации. Говорит умно. Только грусть — еврейская, вечная... Так писал вдохновенный художник о вдохновенном художнике.

Много внимания народный артист СССР Михоэлс уделял нашему училищу. Не проходило дня, чтобы он не узнавал у меня, как идут дела, над чем работают студенты, в чем они нуждаются. Он сделал все, чтобы в училище преподавали актерское мастерство и художественное слово Вениамин Зускин, Сарра Ротбаум, Иосиф Шидло, Моисей Гольдблат и другие известные артисты.

Он проводил и приемные экзамены. Как правило, на 25 вакантных мест экзаменовались сотни молодых людей. Актерство, объяснял ученикам Михоэлс, — это труд, труд и еще раз труд. Настоящим актером может стать только тот,

кто наделен прилежанием, у которого твердая воля, богатый ум и желание сценически осмыслить современность. Без труда талант — пустой звук.

Приемные экзамены в училище мы проводили не только в Москве, но и в тех городах, где Государственный еврейский театр (Госет) гастролировал.

Вспоминаю эпизоды, связанные с Соломоном Михайловичем.

ЛЕТОМ 1936 года театр был в Одессе. За экзаменационным столом, прослушав много юношей и девушек, желавших поступить к нам в училище, Михоэлс вдруг спросил меня: не хочу ли я познакомиться с Бабелем? Я, конечно, хотел. Мы договорились о встрече на следующий день в два часа дня. Решили вместе пообедать в ресторане гостиницы «Лондонская» (теперь «Одесса»). С большим эмоциональным нетерпением я ждал встречи. Пришел первым... И вот показались они, оба почти одного роста и одной ширины плеч. Я пошел навстречу. Михоэлс представил меня.

За столиком Михоэлс с Бабелем состязались в знании и умении выбора блюд, вин, много шутили. Беседа в основном велась вокруг пьесы Бабеля для постановки в Московском еврейском театре.

Михоэлс сказал: «От вас, Исаак Эммануилович, мы хотим получить не просто пьесу, но Пьесу!» На это Бабель ответил, что вообще он пишет очень медленно, а потому постарается написать просто пьесу, для особой пьесы у него нет ни времени, ни сил. Все же постарается сделать так, чтобы удовлетворить просьбу Михоэлса. «Для меня, — подчеркнул Бабель, — будет честью, если вы сыграете в моей пьесе, если еврейский зритель придет посмотреть мое произведение в гостетовской трактовке»...

В 1943 году Михоэлс и поэт Ферер были в США. Однажды во время их поездки возник диспут «Нужно ли ненавидеть врага?» Дискуссия началась после того, как Михоэлс на одном из его первых митингов в Нью-Йорке, где присутствовало 50 тысяч человек, указав на себя, сказал так:

«Я человек. Посмотрите на эти руки, на эту голову, на это сердце. Фашисты хотят меня превратить в кусок мыла. Всех здесь присутствующих фашисты хотят превратить в мыло... Смерть фашизму!».

Некоторые американские писатели тогда сказали, что ненависть — страшная вещь. Теодор Драйзер возразил Михоэлсу: «Я больше поклоняюсь любви». На это Соломон Михайлович ответил: «Мы ненавидим фашизм, потому что любим человечество». «Это верно», — согласился американский писатель.

КОГДА Михоэлс с триумфом закончил в США свою миссию, он спросил нашего посла: «Нельзя ли встретиться с Альбертом Эйнштейном?». «Нелегко, но попытаемся».

И вот в один из дней Михоэлс у Эйнштейна дома. Он позже вспоминал:

«Дверь открыл мне тот Эйнштейн, которого я много раз видел на фотографии. Голова с копной растрепанных седых волос, глубокие глаза, грустные, но смеющиеся и застен-

чивые. Таких блестящих глаз я в жизни никогда не видел. Брюки плохо сидели на нем и все время сползали, как бы хотели покинуть хозяина. Ремня, очевидно, на них не было. На нем был пуловер, из которого выглядывал воротник незастегнутой рубашки.

Комната, в которую он пригласил меня, выглядела бедновато. «Такая комната у всемирно известного гения?» — подумал я. Эйнштейн угадал мое удивление. «Вас смущает», — спросил он, — обстановка комнаты? Если бы я только захотел, я мог бы обставить мою квартиру так, как ни у кого. Но зачем? Как видите, здесь лишних вещей нет. Здесь только то, что человеку необходимо. Лишнее мешало бы мне работать...».

За чашкой кофе Эйнштейн поинтересовался: «Как со мной будете разговаривать: как вам велено или как вы думаете?».

Я обиделся, но по мере возможности спокойно ответил, что, хотя актеры имеют дело с «чужими» текстами, все же они еще и творцы, носители собственной темы...

Эйнштейн спросил: «Антисемитизм имеет место в вашем обществе?».

Его вопрос был не случаен. Он лично страдал как еврей накануне и во время прихода фашизма к власти в Германии. Физики так называемого «Объединения ученых германских естествоиспытателей для защиты чистой науки», во главе которого был Филипп Ленард, третировали Эйнштейна. На одной дискуссии, которая проходила в Берлинской филармонии, один студент из Ленардского клана крикнул: «Хватит, этому противному еврею надо перерезать глотку!». Берлинские правые газеты не раз требовали: «Убейте Эйнштейна!».

Вопрос об антисемитизме весьма волновал Эйнштейна как истинного интернационалиста. Я ему объяснил: «Советская власть осуждает расовую ненависть и антисемитизм в том числе. В основном антисемитизм в Советском Союзе изжит. Только в некоторых головах эта болезнь имеет место...».

Ученый с грустью ответил мне: «Вы, как я понимаю, не только ак-

тер, но еще и политик, я же физик. И как таковой знаю, что каждая вещь имеет свою тень. Тень моего народа — антисемитизм. Одно из двух: если у вас есть евреи, то у вас должен иметь место антисемитизм, если же у вас нет антисемитизма, стало быть, у вас нет и евреев».

Вспоминая рассказанное мне Михоэлсом, я понимаю, сколь проницательным оказался Эйнштейн.

Уже при жизни Михоэлс стал легендой. Люди его ценили и любили. К нему приходили за советом разные люди, рассказывали о своих горестях и радостях. Во время работы над спектаклем «Фрейлехс» к Михоэлсу обратился старик: «В городе разносятся слухи, что вы собираетесь поставить спектакль, именую его «Фрейлехс». Прошу вас, будьте моим наследником... Что я имею в виду? Послушайте историю. На моей свадьбе, лет пятьдесят назад это было, целую неделю веселились. Устали... Вдруг неизвестно откуда какой-то прохожий явился на свадьбу и сказал: это еврейская свадьба? Фи! Еврейская свадьба должна быть веселой. Послушайте, и начал петь... Что я вам скажу? Эта песня во всех новую душу вселила. Очень долго продолжалось веселье, а путник незаметно исчез. Тогда мой отец сказал: «С сегодняшнего дня, сын мой, песня прохожего станет нашей семейной песней. Сохрани ее в веках». Убийца Гитлер моих детей и внуков уничтожил, я остался один. Прошу вас: сохраните мою песню, спойте ее в спектакле».

Михоэлс эту песню записал, и ее спели в спектакле «Фрейлехс».

В ночь с 12 на 13 января 1948 года сталинские душегубы зверски убили Михоэлса в Минске (об этом «Вечерняя Москва» подробно писала 15 февраля 1989 года в материале Д. Гая «Черная книга» — Ред.). Загубили того, кто всей душой, всем сердцем, каждой мыслью своей честно служил советскому народу. Народ в своей бессмертной памяти навечно сохранит прекрасный образ своего любимца, актера-мыслителя Соломона Михоэлса.

М. БЕЛЕНЬКИЙ,
профессор.